

*У гадюки с удавом битва страшна —
Бьются они за розу терна.
И вот из норы грустно смотрит гадюка,
Без зубьев она не опасней пичуги.
Зубья остались в шкуре удава —
Тот жив, но зол и снедаем отравой!*

Глава 1

СПЯЩИЙ

*Спустя тридцать лет после событий в Йефасе,
Ноэльское графство*

Весеннее солнце склонилось к горизонту, и с моря задул сильный ветер. Под его порывами заколыхались ветви сосен вместе с зарослями голубого олеандра. Где-то вдалеке протяжно закричала пустельга. Крик стал ближе, затем резко затих, и мгновение спустя птица камнем устремилась к земле, атакуя полевку, промелькнувшую меж сосновых корней.

В синих глазах мужчины зажглось любопытство, и он ненадолго отвлекся от разговора со своим собеседником. Прищурившись, он залюбовался зрелищным полетом хищницы. Пустельга Ноэля раскрыла крылья лишь у самой земли, выставила вперед когти и уже с добычей устремилась вверх, к ветвям высоких сосен, чтобы поужинать. Он проводил ее взглядом, а после вернулся мыслями к разговору с гостем, прибывшим в поместье Лилле Аданов по монетным вопросам.

— Господин ло Ксоуль, ваше предложение весьма интересно, но я вынужден в очередной раз отказать, — наконец произнес Юлиан.

После этих слов последовал шумный выдох. Лицо седовла- сого гостя на миг скривилось от негодования, но он быстро взял себя в руки и вновь принял спокойный вид.

— Я вас понимаю, господин Лилле Адан, ведь ваш Цветоч- ный дом уже более двух веков занимается банковской деятель- ностью. Однако...

— Однако что, господин ло Ксоуль?

— Хм. В последние годы на юге, в Айрекке и Дюльмелии, пошли по очень рациональному пути и позволили заниматься частной банковской деятельностью. Знаете об этом?

— Слышал.

— Собственно, хочу заметить, что поток монет в казну бла- годаря полученным от этого дела налогам заметно увеличился.

— Господин ло Ксоуль, — улыбнулся Юлиан, — мы обяза- тельно подумаем о вашем предложении по поводу снятия огра- ничений на прием сбережений и выдачу займов нашим под- данным...

Мохнатые брови Авгусса ло Ксоуля в очередной раз сошлись на переносице, а руки скрылись под расшитой олеандрами накидкой, чтобы не выдать охватившее его волнение.

— ...но у нас собственный опыт, весьма успешный, — про- должил граф. — Цветочный дом известен как на Севере, так и во многих землях Юга.

— Да, спору нет...

— И он символ и олицетворение безопасности и надежности, поэтому система останется неизменной. По крайней мере, пока.

— Но мир меняется, и нужно уметь подстраиваться под него, господин Лилле Адан! Ваша матушка... она приверженица старых порядков, однако в вас я вижу того, кто готов не стоять на месте, держась за постылые образы, а идти в ногу со временем! Снятие ограничений лишь увеличит приток золота в ваши кошельки.

— Увы, господин ло Ксоуль. Прошу передать другим членам купеческой гильдии, что мы отказываем в вашей просьбе.

Снова тяжкий вздох.

Купец Авгусс ло Ксоуль, который уже не первый год вместе с представителями гильдии желал вложиться в собственный

частный банк, развел руками и, поджав старые губы, тоскливо поднял взор к небу, к тучам.

— Ну что ж, по крайней мере, я попытался... Быть может, вы передумаете, когда это веяние коснется и Детхая, — по его губам скользнула печальная улыбка из-за упущенной выгоды. — Я премного благодарен, что уделили мне время, ваше сиятельство.

— Всегда пожалуйста. Чуете, бриз сменился на феллский ветер?

— Да, да, погода у нас — дитя весьма капризное... Вы правы, нужно поспешить в Луциос, пока фелл не обрушился проливнем. Да и я отвлек вас от дел своим неожиданным визитом.

— Ничего страшного. Хорошей и светлой вам дороги, — Юлиан кивнул, отчего прядь с серебристой трубочкой упала на глаза. Он поправил ее привычным жестом и громко позвал: — Кьенс!

Из небольшой постройке показался костлявый слуга. Вежливо поклонившись, Кьенс отведенной в сторону рукой намекнул, что готов сопроводить гостя до выхода.

Глаза купца зыркнули на графа с едва скрываемым недовольством.

— Да осветит солнце ваш путь! — произнес он.

Юлиан проводил купца взглядом и, когда тот скрылся за особняком, направился по выложенной камнем тропинке к морю. В небе рычал гром, предвещавший непогоду. Тогда вампир заторопился и стал спускаться с холма, поросшего соснами, зарослями можжевельника и россыпью голубых олеандров. Свинцовая туча продолжала наползать с гор по правую руку от особняка, обещая вот-вот разразиться ливнем, хотя всего час назад в небе не было ни облачка. Впрочем, столь быстрая перемена погоды для Ноэльского графства была делом обычным, поэтому ноэльцы дождей не боялись. Привыкли.

У выхода стоял стражник с алебардой. Он поприветствовал господина поклоном и отпер калитку. Поблагодарив его, Юлиан направился по ковру из хвои к каменистому берегу, спрятанному за рощицей сосен. Морской ветер играл его смоляными волосами, трепал половинчатые рукава рубахи. Подойдя к кромке прибоя, он взгляделся в посеревшие воды

бухты Нериум и только решил уж было позвать Вериателюшку, свою любимую Вериателюшку, по которой жутко соскучился, и дочь-безобразницу Мафейю, как в небе снова громыхнуло. Туча прорвалась ливнем. А из-за дальнего одинокого камня, почти притопленного приливом, вдруг показалась рука. Рука была отчасти похожа на человеческую, но имела когти и бледные вытянутые пальцы, между которыми просвечивали перепонки.

Граф махнул рукой, подзывая.

От камня что-то скользнуло по направлению к нему. Вскоре вместе с набежавшей высокой волной на берег выползло существо, похожее на человека и одновременно на змею. Нижняя его часть была полностью змеиной, покрытой черной блестящей чешуей с белесыми полосами, а вот верх укрывался чешуей лишь отчасти. Лицо, живот и шея были чисты и выглядели совсем человеческими; даже оттопыренные уши с жабрами тут же прижались к голове, перестав быть заметными.

Едва пригнувшись, касаясь длинными пальцами камней, существо грациозно ползло по берегу, пока не распрямилось перед Юлианом. Настороженные желтые глаза смотрели не мигая.

— Здравш-штвуй, благошловленный водой, — сказал чуть шипяще наг. На миг показался его раздвоенный язык.

— Здравствуй, Нью Кха, — произнес Юлиан.

— Я ждал тебя...

Ливень стих так же резко, как и начался, и выглянувшее солнце заиграло на сверкающей от капель воды чешуе. Юлиан посмотрел на море, которое, точно по волшебству, переменяло цвет с серого на ярко-лазурный. Там, за далекими камнями, прятались и другие наги. Их было много — порядка двадцати или тридцати особей. Некоторые казались совсем детьми.

— Вас очень много. Что случилось, Нью Кха?

— Ш-шпящий на дне... Я хочу предупредить тебя, благошловленный водой.

— Он проснулся?

— Прош-шипается... Пошли зимы он перевернулся несколько раз во сне. А пару дней назад из его глотки донесся рык. Он очень голоден и приш-шла пора кормиться...

— Но ведь прошло лишь четырнадцать лет, а не пятнадцать, Нью Кха.

Нью Кха не подсчитывал проведенные в море годы, поэтому то, что Спящий проснулся на год раньше положенного, его совсем не смутило. Даже наоборот, он посмотрел на Юлиана с легким осуждением.

— Но он прош-шипается... Мы не ош-шибаемся... Может быть, он мало поел в прош-шное пробуждение...

— Вы покидаете море?

— Да... — снова прошипел Нью Кха. — Мы поднимаемся по реке к темным горам. Там переползем в Больш-шое озеро и будем жить до зимы. Пока Ш-шпящий не вернется в Мертвый желоб...

— Когда и где вы достигнете перехода по земле?

Наг задумался. Кончик его черного чешуйчатого хвоста задрожал, а уши вновь оттопырились, обнажая жабры. Убрав мокрую прядь черных волос с лица, Нью Кха посмотрел на друга.

— Три... или четыре ночи, — наг еще раз вскинул к небу глаза, чтобы не ошибиться. Он почти не умел считать. — Мы покинем реку там, где выш-шокие и штройные деревья сменяются

темными и низкими, а острая гора прячет за собой круглые горы поменьш-ше.

— Хорошо, Нью Кха, я тебя понял... Я буду там и помогу сопроводить вас от реки Луцци до озера Иво, чтобы переход прошел без неприятностей. Я благодарен тебе за то, что ты предупредил меня о Спящем.

— Ты благошловлен духами воды, которых мы чтим так же, как и Ш-шпящего. Поэтому мы уважаем и тебя. — Наг приложил руку к животу в почтительном жесте и обполз Юлиана по кругу. — Ш-шпящий проснется со дня на день...

— Вы не пытались с ним договориться?

— Нет... Если духи воды могут пощадить при вш-штрече, то Ш-шпящий не щадит никого, — грустно заметил наг. — Его желудок подобен бездне, и он безжалостно пожирает все, ш-што попадает на пути...

Граф протянул Нью Кха руку для прощания. Тот неуверенно подал в ответ свою, с когтистыми пальцами. На миг желтые глаза подернулись мигательной перепонкой.

— До вштречи, благошловленный водой... — прошипел наг.

Уже у самой кромки берега, когда хвост погрузился в воду, он оглянулся. По его бескровному лицу скользнула улыбка, обнажившая острые зубы и раздвоенный тонкий язык, и вскоре он исчез вместе со своей многочисленной родней.

Юлиан долго смотрел на слепящий блеск моря, на ясное небо, уже без единого намека на дождь, на горы по правую руку и на далекую-предалекую верфь, что примостилась у входа в бухту. Обеспокоенный известиями, он зашагал обратно вверх по холму, через кованую калитку — к особняку. Тропинка вилась среди пышных цветов, вдоль скамеек, устроившихся под сенью сосен, между пристройками. Трехэтажный особняк, возведенный из темно-серого, почти черного камня, глядел, точно глазами, большими прямоугольными окнами, а у его стен вился по решетке дикий плющ, подползая под самую крышу.

Из-за угла дома показался Кьенс. Он покорно взглянул на графа, молчаливо спрашивая, не надобно ли чего-нибудь.

— Кьенс, попроси конюхов подготовить лошадь.

— Сколько сопровождающих, тео Юлиан?

— Нисколько.

— Как скажете...

Дом окружали лорнейские сосны с пышной кроной. Едва насквозь промокший Юлиан подошел к двери, как ее распахнул безликий страж в серых шароварах, белой рубаше и подпоясанный голубым кушаком. Привычно поблагодарив, граф направился по коридору, устеленному дорожкой с бежево-бирюзовым орнаментом, к лестнице, ведущей наверх.

— Юлиан... — до ушей графа донесся тихий голос.

Улыбнувшись, он опустил уже занесенную над ступенькой ногу и прошел в зал.

У камина сидели в креслах Мариэльд де Лилле Адан и мужчина с проседью на висках. Оба откинулись на спинки, общаясь в некоторой лености, присущей знати.

На плечах мужчины лежала красная бархатная пелерина, соединенная на груди тремя золотистыми цепочками, а под накидкой виднелось простое мышинового цвета платье с кожаным ремнем. И стоячий воротник, и манжеты украшали одинаковые золотые пуговицы, правда слегка стершиеся — и оттого тусклые. Несмотря на всю простоту одеяния, было в нем что-то настолько величавое, что рядом с Мариэльд де Лилле Адан он казался пусть и не равным, но близким. Даже болезненность бледного лица, не тронутого ноэльским загаром, и темные круги под впалыми глазами не уменьшали его импозантности, а, наоборот, добавляли.

— Да, матушка... — произнес Юлиан.

— Чем вызвана торопливость твоей походки, сын мой? Неужели Августс ло Ксоуль убедил тебя помочь ему преувеличить свое состояние? — по губам графини скользнула саркастическая улыбка.

— Нет. Конечно же, я отказал, матушка. Изменение действующей системы никак не отразится на обычных жителях. Лишь перераспределит золото между нашими кошельками и кошельками купцов.

— Так в чем же дело?

— Наги сообщили, что Спящий вот-вот проснется.

Темно-серые, но удивительно живые глаза мужчины загорелись любопытством, и он захлопнул книгу по алхимии.

— Ты отправишься в порт? — спросила графиня.

— Да, матушка, в Луциос. Как только подготовлю необходимые бумаги, — граф покрутил кольцо-печатку на пальце.

— Понятно. Значит, снова ждать толпу негодующих глупцов у ворот особняка, — Мариэльд склонила седую голову набок и обратилась уже к сидящему рядом собеседнику: — Вицеллий, ты, кажется, хотел прогуляться вдоль моря.

— Да, моя госпожа. Буду рад, если вы составите мне компанию. Раз уж Юлиан сегодня занят, — на секунду Вицеллий взглянул с укором.

— Я полностью в вашем распоряжении. Но только завтра, учитель!

И граф оставил их, поднявшись по лестнице на второй этаж. В Ноэле он жил уже три десятилетия, но каждый раз, когда открывал дверь кабинета, ему казалось, что за столом из орехового дерева он увидит... графа Тастемара. И каждый раз Юлиан вздрагивал от одной мысли об этом. Привычно вспомнив события тридцатилетней давности, он нахмурил брови, энергичным шагом подошел к столу и, не садясь в кресло, принялся оформлять документы. Отложив писчее перо, он извлек из глубины нижнего ящика бархатный мешочек с кольцом и поставил гербовую печать на бумагу.

Юлиан навел порядок на столе, за которым привык работать по утрам, и снова вернулся в коридор. Там он вспомнил о том, что хотел сменить промокшую от дождя одежду. Из коридора граф поднялся по лестнице на третий этаж, где располагалась его спальня, и вошел внутрь. В мягком кресле цвета бурного моря сидела, подтянув колени к подбородку, Фийя. Прищулив один глаз и высунув язык, она пыталась попасть ниткой в иголку, а между колен зажимала мужскую рубашу. При виде Юлиана она подскочила, рассеянно улыбнулась и положила так и не вдетую нитку с иглой на низкий столик, стоявший рядом.